

Научная статья

УДК 316.7:81.272

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-255-260

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ГЕОПОЛИТИКА (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ)

Динара Нургалиевна Иванова¹, Вера Ивановна Немчина²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹dina0901@yandex.ru

²nemchinavera@yandex.ru

Аннотация. Проблема многоязычия не просто как лингвистическое явление, а как комплексный феномен всегда привлекала повышенное внимание исследователей. В данной статье рассмотрены примеры того, как конкретные мероприятия в области языковой политики влияют на формирование геополитического пространства. В фокусе внимания авторов работы оказались территории бывшего Советского Союза и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Оба региона характеризуются как полиязычные и многонациональные. И не вызывает сомнения тот факт, что оба государства сделали много практически ценных шагов, обусловленных конкретной исторической эпохой, по регулированию языковых ситуаций. В этом контексте изучение этой проблемы приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: язык, геополитика, языковая ситуация, ретроспективный анализ, языковая ассимиляция, языковая идентичность, культурный плюрализм, периферийные регионы, малые языки

Для цитирования: Иванова Д. Н., Немчина В. И. Языковая ситуация и геополитика (ретроспективный анализ) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 255–260. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-255-260>

Sociology Problems

Original article

LINGUISTIC SITUATION AND GEOPOLITICS (RETROSPECTIVE ANALYSIS)

Dinara N. Ivanova¹, Vera I. Nemchina²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹dina0901@yandex.ru

²nemchinavera@yandex.ru

Abstract. The problem of multilingualism not just as a linguistic phenomenon, but as a complex phenomenon has always attracted the attention of researchers. This article discusses examples of how specific events in the field of language policy affect the formation of the geopolitical space. The focus of the authors' attention is on the territories of the former Soviet Union and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. The both regions are characterized as multilingual and multinational. And there is no doubt that the both states have made many practically valuable steps, conditioned by a specific historical epoch, to regulate language situations. In this context, the study of this problem becomes particularly relevant.

Keywords: language, geopolitics, language situation, retrospective analysis, linguistic assimilation, linguistic identity, cultural pluralism, peripheral regions, small languages

For citation: Ivanova D. N., Nemchina V. I. Linguistic situation and geopolitics (retrospective analysis). *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):255–260. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-255-260>

Основной целью настоящей работы является изучение влияния языковой политики на формирование геополитического пространства, причем в фокусе исследования оказались исторический опыт Великобритании и бывшего Советского Союза. Мы бы хотели начать наши рассуждения с небольшого экскурса в прошлое, что помогло бы, на наш взгляд, выстроить четкую авторскую концепцию по заявленной авторами тематике.

До конца XIX века национальные пространства по всему миру состояли из отдельных, зачастую практически изолированных сообществ. Так, например, Российская империя того периода включала себя вассальные государства – Хивинское ханство и Бухарский эмират, автономную Финляндию и т.д.

Кроме того, официальная государственная концепция не строилась на каком-либо национальном принципе, в том числе и в языковых вопросах. «В большинстве этнорегионов – преимущественно восточных, а также в Польше, Финляндии – проводилась политика невмешательства в национальную жизнь вполне в духе цивилизованного европейского либерализма [1]. Хотя, возможно, такая характеристика языковой политики того времени была бы слишком упрощенной.

Как правило, «невмешательство в национальную жизнь» инородцев было свидетельством не проявления политики «европейского либерализма», а освоения в недостаточной мере регионов. Доказательством данного тезиса может служить как раз геополитический ракурс исследования. Все регионы, которые характеризовались относительной автономностью в области языка, были в территориальном плане достаточно удалены от политического центра. В Российской империи примерами таких регионов, в первую очередь, являются уже упомянутые выше Финляндия, Польша, Урянхайский край (ныне Тува), Бухарский эмират. А на территории Европы такая политика, с той или иной степенью интенсивности, проводилась в отношении басков на Иберийском полуострове, фризов в Нидерландах и кельтов в Великобритании.

Однако в начале XX века происходит резкий поворот политических взглядов правящей элиты, особенно в Европе, и в свете этих радикальных изменений лингвистическое разнообразие признается реальной угрозой единству нации. В целях устранения этого угрожающего национальной интеграции разнообразия правящая этническая группа взяла курс на проведение полной языковой и культурной ассимиляции, применяя весь арсенал имеющихся в запасе ресурсов, поощрений и символической власти, чтобы повлиять непосредственно на механизм взаимодействия людей.

В первой половине XX века осуществление именно такой стратегии языковой политики было характерно для большинства регионов Европы и СССР. В то время многие специалисты искренне верили в то, что со временем произойдет полная ассимиляция с доминирующей национальной культурой [2]. Сейчас уже это общепризнанный факт, что в процессе проведения ассимиляторской политики не произошло полной потери этнической идентичности, и, следовательно, культурный плюрализм сохраняет достаточно прочные позиции во всем мире.

В целом что-то прогнозировать в этой области дело неблагодарное. Вспомним известный прогноз Ф. Энгельса о неизбежной ассимиляции чехов и хорват [3]. Динамика развития культурного плюрализма сейчас бросает вызов государственной власти в плане обеспечения национальной целостности.

Требования нацменьшинств повлиять на формирование национальной политики с целью защиты основных прав и свобод часто являются отражением признания данным национальным меньшинством важности языкового фактора для данной этнической группы, особенно в условиях, когда язык большинства является мажоритарным и считается потенциальной угрозой их этнической идентичности. Для такой группы нацменьшинства законодательство в области языкового планирования становятся важным инструментом поддержки их этнолингвистической жизнеспособности.

Ниже мы бы хотели привести несколько примеров попыток повлиять на проводимую национальную политику в языковом поле, которые иллюстрируют данное утверждение. Мы решили в качестве примеров кратко описать исторический опыт по проведению языковой политики в периферийных регионах на территории бывшего СССР и Великобритании.

Уэльс и Шотландия в Великобритании, так же, как и многочисленные регионы на территории бывшего Советского Союза, занимают периферийное положение по отношению к политическому и экономическому центру. В XIX веке языки многих малых этносов имели стабильные позиции, но в результате ассимиляторской политики резко сократилось как количество потенциальных и реальных носителей этих языков, так и количество сфер их употребления. Более того, национальные меньшинства, проживающие в периферийных регионах многонациональных государств, часто просто не имеют возможности повлиять на проницаемость собственных границ, чтобы воспрепятствовать аккультурации.

Урбанизация, индустриализация, доступные и быстрые средства сообщения и увеличение мобильности населения – все эти факторы способствовали ускорению процессов аккультурации

и языковой ассимиляции. Необходимо особо отметить роль телевидения как мощного инструмента формирования желаемой реальности, в том числе и желаемой языковой ситуации через выбор языка телевидения. Процессы конвергенции времени и пространства, охватившие большинство регионов по всему миру, ускоряются и разрушают культурную и языковую идентичность периферийного национального меньшинства.

В противовес ассимиляторской политике националисты стремятся выстроить политику территориального контроля, установив формальные границы. Такие попытки, например, были предприняты националистами из Уэльса, которые создали своего рода «валлийскую крепость», препятствующую проникновению английского языка в их регион. В основе самой идеи лежало стремление оградить немногочисленных к тому времени монолингвов, говорящих только по-валлийски, от контактов с англоязычным большинством.

Некоторые специалисты выступили против проведения подобной политики [4]. Опираясь на данные последующих переписей населения, они пришли к неутешительным выводам, что «зона крепости» превратилась в «зону упадка», и на пограничной территории английский язык практически полностью вытеснил валлийский даже в бытовой сфере, традиционно закрепляемой ранее за последним. Эти специалисты связали полученные данные в отношении изменений в языковом поле с информацией, поступившей в ходе переписи населения.

Другими словами, они наложили языковые данные на переменные различного рода, такие как образование, религия, культура и т. д.

Вывод, к которому пришли эти исследователи, звучал следующим образом: «С целью повышения эффективности языковое планирование должно быть функциональным, а не формальным (как в случае с «валлийской крепостью») и должно согласовываться с реформированием социоэкономических условий данного языкового сообщества» [4]. Таким образом, необходимо обеспечить институциональную поддержку миноритарного языка через функционирование школ, церквей и других государственных учреждений на этом языке чтобы оптимизировать эффективность проводимой языковой политики в периферийных регионах.

Мы обратились к данным исследования Г. Льюиса, в фокусе которого был компаративный анализ языковых ситуаций в Советском Союзе и Уэльсе. Несомненно, Советский Союз имел свою специфику, связанную, в первую очередь, с существованием на территории огромного количества разных языков. Однако в общих чертах языковая ситуация в СССР не столь уж радикально отличалась от той, что была в других многонациональных государствах. Различались скорее количественные параметры проводимой языковой политики, а не качественные. Поэтому мы согласны с Г. Льюисом, который обратил внимание на явное тождество как объективных факторов, так и государственных мероприятий.

Функционирование валлийского или, скажем, шотландского языка оказывается схожим на ту ситуацию, в которую попали многие языки народов бывшего Советского Союза. Так, например, Г. Льюис указывал на сходство двуязычного образования в СССР и Уэльсе и на то, что многие носители миноритарных языков на территории всей Великобритании, сохраняя их использование в быту, не желают читать на каком-либо другом языке, кроме английского, и не знают грамоты на своих материнских языках. Таким образом, имеет место диглоссия, при которой функции мажоритарного и миноритарного языков четко распределены. Для валлийцев и шотландцев их этнические языки сегодня зачастую представляются непрестижными. Такая же ситуация была типична для большинства малых народов СССР. Исключение составляла национально ориентированная интеллигенция, но она, как правило, была довольно немногочисленна.

Впрочем, низкая престижность в той или иной степени свойственна и диалектам. Возьмем, к примеру, шотландский диалект английского языка (так называемый скотс). Данный диалект всегда имел устойчивые позиции в сельской местности, а также использовался в художественной литературе. Так, всемирно известный поэт Р. Бернс использовал этот диалект для создания своих произведений. Грант даже сравнил шотландский диалект с украинским языком, указав на совпадение сфер употребления данных идиомов и наличие диглоссной ситуации. Тот же Грант указал и на отличие, а именно тот факт, что шотландский диалект, в отличие от украинского, не имел официального статуса [6]. Конечно, это сравнение не совсем верно, поскольку данные идиомы не сопоставимы по своим масштабам, но вполне можно согласиться с тем фактом, что языковые ситуации в периферийных регионах часто не имеют национальной специфики.

Необходимо отметить, что вынужденный или добровольный отказ от каких-то идиом в том или ином регионе не подразумевает отказа от национальной культуры во всем ее многообразии, если его место заполняется нормированным вариантом того же языка. Именно так и произошло в советское время произошло со значительной частью русских. в периферийных регионах. Если же отказ от диалекта связан с переходом на другой язык, то приобщение к новой культуре меняет позиции этноса в целом. «В настоящее время до 50% карелов, более 30% башкир, коми, мордвы, удмуртов, 20-25% чувашей и марийцев признают родным русский язык. Только за период 1970-1989 гг. доля утративших владение русским языком бурятов, коми, марийцев, удмуртов, чувашей, якутов увеличилась вдвое, а карелов и мордвы – в полтора раза» [7, с. 34]. Особенно актуальны эти языковые сдвиги и предпочтения в младших возрастных группах. Еще в 1959 г. мордовским языком владело лишь 39% мордовских детей до 9 лет и 42% – в возрасте 10-19 лет [8].

Генерационный анализ языковых предпочтений имеет очень важное значение для определения основных тенденций развития языковой ситуации в регионе. Предпочтительное использование мажоритарного языка представителями младшей возрастной группы свидетельствует о возможной скорой утрате, в той или иной степени, этносом своей языковой идентичности и, в конечном счете, культурной тоже.

Подобный процесс, как правило, принято связывать с политикой центра и местных властей. Конечно, как и в случае с Уэльсом, в данных периферийных регионах имели место процессы аккультурации, ускоренные типичной для нового времени конвергенцией времени и пространства. Однако нельзя сбрасывать со счетов и проведение ряда конкретных мероприятий, контролируемых сверху, в области русификации. Особенно это относится к свертыванию обучения на материнских языках. Так, карелы²⁶ потеряли национальные школы в 1956-1958 гг., буряты – по решению обкома в 1960г., калмыки – в начале 60-х гг., кабардинцы и балкарцы – в 1965/1966 учебном году [9]. К началу 1970-х годов на Северном Кавказе обучение на местных языках сохранилось только в Дагестане, и то лишь начальное и в сельской местности [10]. Всего в РСФСР в начале 60-х гг. еще существовало школьное обучение на 47 языках; однако к 1982 г. языков обучения осталось только 17 [11]. Сходные процессы происходили и во всех остальных республиках СССР. Так, с 1939 по 1962 гг. количество языков школьного образования в Узбекской ССР уменьшилось с 22 до 7 [12].

Понятно, что услышать открыто националистические лозунги во времена СССР было совершенно нереально. Однако нельзя не согласиться, что языковая политика, хотя бы отчасти, контролировалась снизу. Официальная политика, направленная на закрытие национальных школ, мешала, в первую очередь, развитию литературного языка, но практически не влияла на функционирование диалектов и просторечий. Почти во всех национальных образованиях поддерживалось на местном уровне функционирование прессы. Так зачастую было организовано, хотя бы на символическом уровне, радио- и телевидение на миноритарных языках; многие малые народы имели собственные театры.

Роль националистически настроенных валлийцев могла в бывшем Советском Союзе сыграть национально ориентированная интеллигенция, проживающая в периферийных регионах. Однако, как правило, эта часть населения имела мало влияния и малое количество представителей. Поэтому в основном контроль за осуществлением языковой политики велся сверху, и не всегда проводимые меры в полной мере соприкасались с реальной жизнью. Школьное образование, несомненно, напрямую затрагивает быт людей, однако издание книг может осуществляться чисто по идеологическим соображениям. Так, издание книг на миноритарных языках было в те годы более или менее стабильным. Имелось и определенное количество писателей, создающих произведения на этих языках. Гораздо сложнее при проведении языковой политики сверху контролировать число читателей, желающих ознакомиться с этими произведениями. Как раз читателей во все времена катастрофически не хватало. Отсюда понятна современная тенденция уменьшения издания книг и других печатных изданий на миноритарных языках. Иначе и не может быть во времена рыночной экономики.

В периферийных этнолингвистических сообществах люди селятся фрагментарно, следовательно, националистические цели касаются, главным образом, сохранения и поддержания основных сфер использования малых языков. Естественно, языковое употребление также носит фрагментарный характер, так как население часто сталкивается с необходимостью использовать мажоритарный язык за пределами своего сообщества, поскольку последний, как правило,

оказывается языком торговли и ведения бизнеса. Создавшуюся языковую ситуацию в периферийных регионах можно охарактеризовать как «субтрактивный билингвизм», при котором материнский язык национального меньшинства постепенно вытесняется мажоритарным языком за счет увеличения сфер его использования.

Высокую степень устойчивости и жизнеспособности демонстрируют языки, границы употребления которых остаются в какой-то степени непроницаемыми для внешнего воздействия. Примером такой жизнеспособности может выступить мордовский язык, который существует, несмотря на тысячелетнее неравное соперничество с русским [13]. Данная устойчивость объясняется, в первую очередь, социоэкономическими и географическими факторами. Носители мордовского языка, как правило, селятся в сельской местности. А условия проживания, характерные для сельских жителей, поддерживают тенденцию сохранения традиционных материнских языков в сфере бытового общения. Не все национальные меньшинства занимают периферийное географическое положение в многонациональных государствах. Существуют довольно многочисленные примеры этнолингвистических групп, окруженных национальным большинством, как, например, фламандцы и валлоны в Бельгии. Несмотря на географическое положение Лапонс [14] полагает, что в многонациональном государстве миноритарный язык неизбежно оказывается в более неустойчивом положении и не имеет независимого статуса, что, в свою очередь, разрушает язык в ходе постоянной и неравной борьбы с мажоритарным языком, играющим роль лингва франка во всем государстве. Даже при условии того, что миноритарный язык получает официальный статус, он никогда не сможет получить привилегий в сферах делопроизводства и школьном образовании, где ему, как правило, отводится лишь символическая роль.

Чтобы избежать ассимиляции, представители национальных меньшинств должны стремиться к тому, чтобы утвердиться в своей этничности. Такое стремление может манифестироваться в требованиях усилить контроль в регионе. Такой контроль может включать в себя ограничение или полное исключение употребления мажоритарного языка в пределах данного языкового сообщества. Чем выше географическая концентрация языка через осуществление последовательного контроля проницаемости лингвистических границ, тем меньше угрозы со стороны мажоритарного языка этнолингвистической витальности данной группы населения, а, следовательно, их этнической идентичности.

Выводы, которые можно сделать из наших утверждений, следующие:

- факторы, способствующие устойчивости миноритарных языков, как правило, не имеют национальной специфики, и их витальность может целенаправленно поддерживаться как сверху, так и снизу.
- в условиях многонационального государства больше шансов выжить у тех языков, которые получают последовательную государственную поддержку. Те же языки, которые поддерживаются исключительно приверженностью населения местным культурным традициям, имеют мало шансов на выживание в условиях пограничных регионов.

Список источников

1. Прусаускас А. Развал России – это политический блеф // Независимая газета. 1993. URL: <https://www.ashurbeyli.ru/media/article/razval-rossii---eto-politicheskiy-blef-17968>
2. Deutsch K.W. Nationalism and social communication: An inquiry into the foundations of nationality. mit Press, 1966. Т. 34. 312 p.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2-е. М. 630 с.
4. Ambrose J.E., Williams C.H. On the special definition of minority: Scale as an influence on the geo-linguistic analysis of Welsh. Edinburgh: Edinburgh University Press. 1981. Pp. 53-71.
5. Lewis E. G. Movements and agencies of language spread: Wales and the Soviet Union compared // Language spread: Studies in diffusion and social change. 1982. Т. 214. С. 59.
6. Grant N. Mechanisms: policy formation and implementation // Language planning in the Soviet Union. Palgrave Macmillan, London, 1990. С. 64-84.
7. Баскаков А.Н. Социоллингвистический анализ языковой ситуации в регионе Средней Азии и Казахстане. Нукус: Билим. 1992. 48 с.
8. Lewis G. Implementation of language planning in the Soviet Union // Progress in Language Planning: International Perspectives. Berlin–New York–Amsterdam: Mouton. 1983. С. 309-326.
9. Намжилов Ц.Н. Языковая ситуация в республике Бурятия // Независимая газета. 1994.
10. Silver B. D. The status of national minority languages in Soviet education: An assessment of recent changes // Soviet studies. 1974. Т. 26. №. 1. С. 28-40.

11. Кузнецов Г.Д., Чехоева С.А. Национальные школы РСФСР в современных условиях // Советская педагогика. 1982. № 8. С.50-54.
12. Ханазаров К.Х. Сближение наций и национальные языки в СССР. Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора философ. наук / Акад. наук СССР. Ин-т философии. Москва: 1963. 47 с.
13. Kreindler I. T. The non-Russian languages and the challenge of Russian: The Eastern versus the Western tradition // Sociolinguistic perspectives on Soviet national languages. De Gruyter Mouton, 2015. С. 345-368.
14. Laponce J. A. Languages and their Territories. University of Toronto Press, 1987.

References

1. Prazauskas A. The collapse of Russia is a political bluff. *Nezavisimaya gazeta = Independent newspaper*. 1993. Available from: <https://www.ashurbeyli.ru/media/article/razval-rossii---eto-politicheskiy-blef-17968> (In Russ.)
2. Deutsch K. V. Nationalism and social communication: a study of the basics of nationality. mit Press, 1966. Vol. 34. 312 p.
3. Marx K., Engels F. Collected works. Ed. 2. Moscow. 630 p. (In Russ.)
4. Ambrose J.E., Williams K.H. *On the special definition of a minority: scale as an influence on the geolinguistic analysis of the Welsh language*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 1981. pp. 53-71.
5. Lewis E. G. Movements and factors of language dissemination: a comparison of Wales and the Soviet Union. *Language dissemination: studies in the field of dissemination and social change*. 1982;(214). p. 59.
6. Grant N. *Mechanisms: formation and implementation of policy. Language planning in the Soviet Union*. Palgrave Macmillan, London, 1990:64-84.
7. Baskakov A.N. *Sociolinguistic analysis of the linguistic situation in the region of Central Asia and Kazakhstan*. *Hykyc: Bilim*. 1992. 48 p. (In Russ.)
8. Lewis G. Introduction of language planning in the Soviet Union. In: *Progress in language planning: international perspectives*. Berlin–New York –Amsterdam: Mouton, 1983:309-326.
9. Namzhilov Ts. N. Language situation in the Republic of Buryatia. *Nezavisimaya gazeta = Independent newspaper*. 1994. (In Russ.)
10. Silver B. D. The status of national minority languages in Soviet education: assessment of recent changes. *Soviet Studies*. 1974;26(1):28-40.
11. Kuznetsov G. D., Chekhov S. A. National schools of the RSFSR in modern conditions. *Sovetskaya pedagogika = Soviet pedagogy*. 1982; 8: 50-54. (In Russ.)
12. Khanazarov K. H. *Rapprochement of nations and national languages in the USSR*. Abstract of the dis. for the degree of Doctor of Philosophy / Academy of Sciences of the USSR. In-t philosophy. Moscow: 1963. 47 p. (In Russ.)
13. Kreindler I. T. Non-Russian languages and the problem of the Russian language: Eastern tradition versus Western. *Sociolinguistic perspectives of Soviet national languages*. De Gruyter Mouton, 2015. pp. 345-368.
14. Lapons J. A. *Languages and their territories*. University of Toronto Press, 1987.

Информация об авторах

Д. Н. Иванова – канд. социол. наук, доц. Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ;

В. И. Немчина – канд. социол. наук, доц. Института социологии и регионоведения ЮФУ

Information about the authors

D. N. Ivanova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of Southern Federal University;

V. I. Nemchina – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.06.2022; одобрена после рецензирования 14.07.2022; принята к публикации 15.07.2022.

The article was submitted 21.06.2022; approved after reviewing 14.07.2022; accepted for publication 15.07.2022.